

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
КАФЕДРА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ-ПОЛИТИКА
(НА ПРИМЕРЕ М. ТЭТЧЕР и Т. МЭЙ)**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование,
профиль Иностранный язык (первый, второй)
очной формы обучения, группы 02051304
Носовой Марины Валериевны

Научный руководитель:
к.ф.н., доцент
Лагоденко Д.В.

БЕЛГОРОД 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. Теоретические основы изучения лингвокультурного образа ...	6
1.1. Соотношение понятий «языковая личность» и «лингвокультурный образ»	6
1.2. Понятие политического дискурса	9
1.3. Коммуникативные стратегии в политическом дискурсе	12
1.4. Стилистические средства создания образа	16
Выводы по ГЛАВЕ I	18
ГЛАВА II. Лингвистические механизмы формирования образа женщины-политика	20
2.1. Прагматический аспект языковой личности бывшего премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер.....	20
2.2. Прагматический аспект языковой личности действующего премьер-министра Великобритании Терезы Мэй	28
2.3. Характерные стилистические средства создания лингвокультурного образа действующего и бывшего премьер-министров Великобритании Терезы Мэй и Маргарет Тэтчер	36
Выводы по ГЛАВЕ II	48
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	51
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	54
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА	59

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа выполнена в рамках лингвокультурологического направления в современном языкознании и посвящена изучению особенностей национальной лингвоментальности на примере анализа лингвокультурного образа женщины-политика.

Актуальность данной работы определяется тем, что в настоящий момент в мире существует положительная тенденция к увеличению числа женщин-политиков в высших эшелонах власти. Примером этого может служить назначение Джинны Хаспел на пост директора ЦРУ, победа Терезы Мэй на выборах премьер-министра Великобритании, участие в прошедших выборах президента Франции Марин Ле Пен и т.д. Это позволяет сделать вывод, что лингвокультурный образ женщины-политика, не являясь этноспецифическим концептом отдельной лингвокультуры, представляет особый интерес для лингвистического исследования.

Объектом настоящего исследования является лингвокультурный образ женщины-политика на примере бывшего и действующего премьер-министров Великобритании Маргарет Тэтчер и Терезы Мэй. Выбор кандидатов для выведения лингвокультурного образа женщины-политика обусловлен неординарностью, а также всемирной известностью избранных политических деятелей.

В качестве **предмета** исследования выступает прагмастилистический аспект языковой личности бывшего и действующего премьер-министров Великобритании Маргарет Тэтчер и Терезы Мэй.

Целью данной работы является определение роли стилистических средств в создании лингвокультурного образа женщины-политика.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1) провести анализ и обобщение теоретического материала по теме исследования;

2) рассмотреть прагматический аспект языковой личности бывшего и действующего премьер-министров Великобритании Маргарет Тэтчер и Терезы Мэй;

3) определить наиболее продуктивные и универсальные средства создания лингвокультурного образа женщины-политика;

4) установить наиболее частотные коммуникативные стратегии и определить речевые средства их реализации;

5) выявить наличие типичных стилистических средств речевого воплощения тех или иных коммуникативных стратегий;

6) установить влияние стилистических средств, используемых в политическом дискурсе, на формирование лингвокультурного образа женщины-политика;

7) выделить типичные стилистические средства создания лингвокультурного образа бывшего и действующего премьер-министров Великобритании Маргарет Тэтчер и Терезы Мэй.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют:

1) в лингвистической персонологии: работы Т.Г. Винокура, С.Г. Воркачева, Л.И. Гришаевой, Ю.Н. Караулова, В.В. Красных, В.А. Масловой и др.;

2) в политической филологии (лингвистика дискурса): работы Т.А. ван Дейка, В.З. Демьянкова, В.И. Карасика, Е.С. Кубряковой, Е.И. Шейгал и др.;

3) в теории коммуникации: работы О.С. Иссерс, Е.В. Клюева, О.Н. Паршиной, Г.Г. Почепцова, И.П. Яковлева и др.;

4) в лингвостилистике: работы И.В. Арнольд, И.Р. Гальперина, Л.Л. Нелюбина и др.

Фактическим материалом для исследования послужили видеозаписи политических выступлений бывшего и действующего премьер-министров Великобритании Маргарет Тэтчер и Терезы Мэй.

В данной работе были использованы следующие **методы** изучения политического дискурса бывшего и действующего премьер-министров Великобритании Маргарет Тэтчер и Терезы Мэй: анализ литературы по исследуемой проблеме, обобщение, метод сплошной выборки, статистический метод, лингвостилистический и контекстуально-интерпретационный анализы.

Апробация работы. Материалы исследования нашли отражение в выступлении на ежегодной студенческой конференции, прошедшей в НИУ «БелГУ» 12-18 апреля 2018 г. в рамках научной сессии «Студенческая весна – 2018». По проблематике настоящей работы в сборнике научных студенческих работ «Национальные языки и культуры в эпоху глобализации» была опубликована статья «Реализация коммуникативной стратегии убеждения в политической речи Терезы Мэй».

Структура и содержание работы определены составом решаемых задач. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, выводов по главам, заключения, списка использованной литературы и списка источников фактического материала.

ГЛАВА I. Теоретические основы изучения лингвокультурного образа

1.1. Соотношение понятий «языковая личность» и «лингвокультурный образ»

На данном этапе развития лингвистического знания особое внимание уделяется вопросам взаимодействия языка и личности, при этом последняя рассматривается как носитель национально-культурного сознания и языка, обладающий определенными ценностями, моральными установками.

В культурологическом понимании личность имеет следующие значения:

- 1) человек как субъект отношений и сознательной деятельности;
- 2) устойчивая система социально-значимых черт, характеризующих индивида как члена общества или общности.

«Языковая личность» может быть представлена в виде «совокупности способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются:

- 1) степенью структурно-языковой сложности;
- 2) глубиной и точностью отражения действительности;
- 3) определенной-целевой направленностью» (Караулов, 2010: 3).

Такой феномен, как «языковая личность», является предметом изучения многих зарубежных и российских ученых-исследователей, лингвистов. В рамках нашего исследования мы обращаемся к трудам Т.Г. Винокура, С.Г. Воркачева, Л.И. Гришаевой, Ю.Н. Караулова, В.В. Красных, В.А. Масловой.

В частности, Ю.Н. Караулов призывает трактовать языковую личность «не только как часть объемного и многогранного понимания личности в психологии, не как еще один из ракурсов ее изучения, а как вид

полноценного представления личности, вмещающий в себя и психический, и социальный, и этический и другие компоненты, но преломленные через ее язык, ее дискурс» (Караулов, 2010: 7).

Ю.Н. Караулов выделяет три уровня языковой личности (дискурса): вербально-семантический (лексикон), когнитивный (тезаурус) и мотивационный (прагматикон) (Караулов, 2010: 86).

Первый реализуется в описании формальных средств выражения определенных значений (т.е. описание лексического, грамматического и т.д. строя языка). Единицами второго являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в «картину мира», отражающую иерархию ценностей личности (фрейм, фразеологизмы, афоризмы, метафоры и т.д.). Третий изучает цели, мотивы, интересы, способы аргументации, оценки и т.д. Этот уровень в анализе языковой личности обеспечивает закономерный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире (Караулов, 2010: 87).

Также языковая личность может быть рассмотрена, как многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей. При этом следует помнить, что речевая личность – это языковая личность в парадигме реального общения, в действительности. Именно на уровне речевой личности проявляются как национально-культурная специфика языковой личности, так и национально-культурная специфика самого общения (Маслова, 2001: 118-119).

Будучи социальным явлением, языковая личность также обладает индивидуальными чертами, формируемыми внутренним отношением человека к языку, становлением личностных языковых смыслов; но при этом не следует забывать, что языковая личность оказывает влияние на становление языковых традиций. Каждая языковая личность формируется на основе присвоения конкретным человеком языкового богатства, накопленного предшествующими поколениями. Язык конкретной личности

состоит в большей степени из общего языка и в меньшей – из индивидуальных языковых особенностей (Маслова, 2001: 120-121).

Как отмечает Т.Г. Винокур, уже сами компоненты словосочетания «языковая личность» указывают, во-первых, на коммуникативно-деятельностную, а, во-вторых, на индивидуально-дифференцирующую характеристики (Винокур, 1989: 11).

Существуют и другие концепции языковой личности. Так, В.В. Красных в рамках данного понятия выделяет следующие компоненты:

1) «человек говорящий» – личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность;

2) собственно языковая личность – личность, проявляющая себя в речевой деятельности, обладающая определенной совокупностью знаний и представлений;

3) речевая личность – личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, выбирающая и использующая тот или иной репертуар средств (как собственно лингвистических, так и экстралингвистических);

4) коммуникативная личность – конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации (Красных, 2001: 151).

Также понятие «языковая личность» может быть определено, как «отражение культурной идентичности в речемыслительной деятельности, абстракция от всех результатов речемыслительной деятельности коммуникантов в различных дискурсивных условиях в одной лингвокультуре» (Гришаева, 2007: 252).

При лингвокультурологическом описании языковой личности предметом исследования становится «национально-культурный прототип носителя определенного языка» (Воркачев, 2001: 65), некий культурно-исторический образ. Таким образом, лингвокультурный образ – это определенный тип, обладающий характерными для представителей какой-

либо (национальной, профессиональной, социальной, этнической, религиозной и др.) группы чертами, свойствами и качествами речи и поведения, понимание и способность выделения которых способствует оптимизации межкультурной и межличностной коммуникации. Лингвокультурный образ, как и языковая личность, является частью национальной культуры, отражая и, в тоже время, формируя эту культуру, и включает в себя как социально-исторический, так и индивидуальный аспекты. Т.е. особенность лингвокультурного образа заключается в следующих моментах: это обобщенный тип, который, во-первых, изучается в единстве языка, сознания и культуры и, во-вторых, реализуется в дискурсе. При этом следует помнить, что лингвокультурному образу свойственны базовые характеристики языковой личности, а, выделяя лингвокультурный образ, мы типизируем языковую личность, обладающую значимостью для культуры.

1.2. Понятие политического дискурса

Как уже упоминалось, отличительной чертой современной лингвистической науки является ее сосредоточенность на человеческом факторе в языке, ее направленность на осмысление языковой концептуализации мира. Антропоцентризм, суть которого заключается в том, что «научные объекты изучаются, прежде всего, по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования» (Серебренникова, 1988: 212), стал важнейшим методологическим принципом. Центральной категорией «жизни человека в языке» (Э. Бенвенист), «вписывающей» многообразную социально-коммуникативную практику человека в тексты культуры, является дискурс.

Понятие «дискурс» широко используется как в зарубежной, так и в отечественной лингвистике. В.З. Демьянков, в работах которого наиболее полно представлено данное понятие, считает, что дискурс – это «произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. ... Элементы дискурса: излагаемые события, их участники, перформативная информация, и «несобытия», т.е. 1) обстоятельства, сопровождающие события; 2) фон, поясняющий события; 3) оценка участников события; 4) информация, соотносящаяся дискурс с событиями» (Демьянков, 1982: 7). Т.А. ван Дейк дает более расширенное определение «дискурс», называя его речевым потоком, языком в постоянном движении, вбирающим в себя все многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей не только коммуниканта, но и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение (Дейк, 1999: 115). При этом по мнению Д.В. Шапочкина, «дискурс – это широкое обобщающее понятие, включающее в себя такие неравнозначные компоненты, как текст и речь. Под дискурсом подразумевается сам когнитивный процесс, связанный с речепроизводством, а под текстом – конечный результат речевой деятельности» (Шапочкин, 2012: 52).

Так как данное исследование проводится на материале политического дискурса, то необходимо определить его особенности. Во-первых, данный вид дискурса реализуется в сфере внутривнутриполитической и внешнеполитической деятельности, во-вторых, обладает высокой коммуникативной направленностью и определенной ориентацией на речевое воздействие. В-третьих, лексико-синтаксическая и фонетическая специфика политического дискурса определяется высокой степенью ответственности, с одной стороны, и максимальной приближенностью к норме литературного языка – с другой.

Специфика политического дискурса также заключается в том, что он, являясь сильнейшим средством воздействия на массовое сознание, играя

существенную роль в формировании ценностных ориентаций общества, наиболее широко распространен в средствах массовой коммуникации. Как считает Е.И. Шейгал, политика, будучи специфической сферой деятельности человека, является по своей сути совокупностью речевых действий, причем, основное назначение политической коммуникации – борьба за власть (Шейгал, 1998: 22). Естественно, политики стараются завуалировать свои цели, используя различные языковые средства от интонации до стилистических приемов. Цель политика – побудить народ к действию, оперируя символами и умея затронуть нужную струну в сознании слушателей. Понимание политического дискурса включает в себя знание фона, скрытых мотивов и ожиданий оратора и публики, он непосредственно связан с ценностными ориентациями в обществе. Политический дискурс характеризуется определенными «лично- и статусноориентированными ситуациями, принятыми в обществе сферами общения и формально относится к такому типу дискурса, как институциональный» (Халатян, 2011: 44).

Также необходимо отметить, что политический дискурс подразделяется на письменную и устную разновидности. В данной работе исследование проводится на материале устных выступлений женщин-политиков, бывшего и действующего премьер-министров Великобритании Маргарет Тэтчер и Терезы Мэй. Интересен тот факт, что при рассмотрении устных выступлений, анализа письменного текста произнесенной речи бывает недостаточно для понимания причин, вызвавших тот или иной коммуникативный эффект. Это объясняется тем, что письменный текст отражает лишь содержательную сторону выступления, в то время как эффект убеждения производится благодаря действию формальных средств. Поэтому для оценки речи политика требуется максимально полно представить, во-первых, ее контекст; во-вторых, ее аудиовизуальные характеристики, что предполагает привлечение как широкого фактического материала, описывающего событийный контекст устного сообщения, так и его аудио- и

видеозаписей, способствующих воссозданию впечатления на первоначальных адресатов.

Обобщив вышесказанное, можно выделить такие характеристики политического дискурса, как: целенаправленность, динамичность, ситуативность, спонтанность речевой деятельности, контекстуальность, идеологическая направленность, социально-культурная принадлежность и ориентированность.

Также необходимо отметить, что специфика коммуникативной эффективности устного политического дискурса реализуется посредством комплексного использования лексико-стилистических (метафоры, аллюзии, цитирование, терминология, ирония, повторы, параллелизм, инверсии и др.) и интонационных (высокая частотность прагматических и логических пауз, чередование быстрого и медленного темпа, употребление высоких нисходящих терминальных тонов, изменение громкости, особенности тембра речи) средств воздействия.

1.3. Коммуникативные стратегии в политическом дискурсе

В условиях усиливающейся демократизации общества, когда политики имеют возможность вести конкурентную борьбу за голоса избирателей и привлекать на свою сторону электорат посредством политических речей, становится особенно важным выбрать подходящую обстоятельствам и целям общения коммуникативную стратегию, определившись с тактиками и приемами политической коммуникации.

В первую очередь, необходимо установить, что же представляет собой коммуникативная стратегия. Так, О.Н. Паршина понимает коммуникативную стратегию «как сверхзадачу речи, диктуемую практическими целями говорящего», как «определенную направленность речевого поведения в

данной ситуации в интересах достижения цели коммуникации» (Паршина, 2007: 10-11).

В свою очередь, О.С. Иссерс трактует речевую стратегию как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» (Иссерс, 2008: 54).

Однако, следует помнить, что помимо такого термина как «коммуникативная стратегия» нами используются понятия «коммуникативная или речевая тактика» и «коммуникативный ход или прием». Из этого вытекает необходимость установить зависимость между перечисленными терминами. Понятие «коммуникативная или речевая тактика» является более объемным и включает в себя несколько действий или ходов, направленных на реализацию коммуникативной стратегии.

Различные политические цели вынуждают современных политиков использовать целый арсенал стратегий и тактик политической коммуникации. Интересной, на наш взгляд, является классификация, разработанная О.С. Иссерс. К основным стратегиям автор относит те, которые непосредственно связаны с воздействием на адресата, его модель мира, систему ценностей, поведение. Это могут быть стратегии информирования, дискредитации, подчинения и т. д. Вспомогательные же стратегии, по мнению О.С. Иссерс, способствуют эффективной организации диалогового взаимодействия и могут быть подразделены на прагматические (построение имиджа, формирование эмоционального настроения), диалоговые (контроль над темой, контроль над инициативой) и риторические (привлечение внимания, драматизация) (Иссерс, 2009: 90).

Несколько иной точки зрения придерживается К.Е. Калинин, который в своей работе выделяет следующие коммуникативные стратегии, а также тактики, приемы и средства, используемые для их реализации:

1) стратегия презентации: тактика обещания, пример личного опыта, индукция позитивного эмоционального состояния;

2) стратегия призыва: ссылки, аллюзии, уверенная презентация, искренность оратора;

3) стратегия самопрезентации: критика, дискредитация оппонентов, аллюзии, закрепление позитивного образа, использование ключевых фраз, параллелизм, рамочная конструкция, эмоциональный призыв;

4) стратегия дискредитации оппонента: тактика логической аргументации, демонстрация, подбор информации и ее интерпретация в необходимом свете, призыв, создание негативного образа, постулирование авторитетного мнения (Калинин, 2009: 57).

При этом К.Е. Калинин рассматривает вышеперечисленные стратегии в качестве разновидностей стратегии убеждения, так как, во-первых, фундаментальная цель политической коммуникации состоит в регулировании физической и интеллектуальной деятельности адресата и, во-вторых, во всех случаях имеет место выступление оратора перед аудиторией (Калинин, 2009: 58).

Мы склонны согласиться с позицией К.Е. Калинина, что вышеперечисленные способы достижения единой коммуникативной цели – убеждения являются вариантами стратегии убеждения, которую мы предпочитаем называть макростратегией. Поскольку достижение в ходе профессиональной коммуникации некоего практического результата (например, подписание договора, реализация проекта, принятие совместного решения, голосование за определенного кандидата) предполагает элемент убеждения кого-либо (отдельной личности, группы людей или массовой аудитории), в рамках этой работы имеет смысл уделить внимание коммуникативной макростратегии убеждения, включающей в себя:

1) стратегии, используемые для завоевания власти;

2) стратегии, используемые для удержания власти;

3) универсальные коммуникативные стратегии.

При этом все вышеперечисленные стратегии подразделяются на частные варианты.

Так стратегии, используемые для завоевания власти, делятся на:

- 1) стратегии дискредитации;
- 2) стратегии нападения, в рамках которых используются тактики противопоставления, оскорбления, обвинения и дистанцирования;
- 3) стратегии обесценивания заслуг.

Второй вид коммуникативных стратегий включает стратегию защиты и информационно-интерпретационную стратегию.

Третий вид, являясь более универсальным и менее зависимым от условий и задач коммуникативного акта, объединяет наибольшее число частных стратегий:

- 1) аргументативная стратегия;
- 2) стратегия самопрезентации, в рамках которой реализуется наибольшее число коммуникативных тактик: отождествления с кем-либо, самовосхваления, позитивного позиционирования, солидаризации с адресатом, создания «своего круга», интимизации изложения, создания эффекта непосредственного общения, акцентирования положительной информации, нейтрализации негативного представления, гипертрофирования «я/мы» темы.
- 3) стратегия формирования эмоционального настроения;
- 4) стратегия призыва (ссылки, аллюзии, уверенная манера презентации и т.д.);
- 5) стратегия агитации;
- 6) стратегия вуалирования;
- 7) стратегия мистификации (тактики преуменьшения и смещения акцентов);
- 8) стратегия деперсонализации (Туманова, 2016: 12-13).

Очевидно, что в рамках одного вида дискурса, например, политического, существует определенная зависимость между ситуацией общения, выбором основополагающих коммуникативных стратегий и тактик,

а также определением эквивалентных им лексико-стилистических средств языка.

1.4. Стилистические средства создания образа

Как прежде упоминалось, коммуникативная эффективность политического дискурса напрямую зависит от использованных стилистических (метафоры, аллюзии, цитирование, терминология, ирония, повторы, параллелизм, инверсии и др.) средств воздействия, которые позволяют воссоздать лингвокультурный образ как высказывания, так и самого говорящего в сознании слушающего.

Анализ языка различных текстов чаще всего осуществляется с разделением стилистических средств на изобразительные и выразительные. В классическом понимании изобразительные средства – это образно употребляемые слова и словосочетания, объединенные термином «тропы». Изобразительные средства обычно являются лексическими и помогают создать определенный образ в сознании адресата. К наиболее распространенным изобразительным средствам относятся метафора, метонимия, литота, гипербола, перифраз и т.д. Выразительные средства (фигуры речи) усиливают экспрессивность речи, придают ей выразительность при помощи таких синтаксических конструкций, как: риторический вопрос, параллелизм, инверсия и т.д.

Однако, в понимании современной лингвистики, изобразительные средства «можно характеризовать как парадигматические, поскольку они основаны на ассоциации выбранных автором слов и выражений с другими близкими им по значению и потому потенциально возможными, но не представленными в тексте словами, по отношению к которым им отдано предпочтение», пишет И.В. Арнольд (Арнольд, 2002: 22). В то же время,

выразительные средства можно назвать синтагматическими, так как их воздействие зависит от расположения, а не от смысла.

Это деление условно, так как функции изобразительных и выразительных средств взаимозаменяемы, и изобразительные средства могут участвовать в создании экспрессивности, а выразительные, наоборот, в создании образности.

Существует и другой подход к классификации стилистических средств языка, где происходит деление на выразительные средства и стилистические приемы. И.Р. Гальперин характеризует стилистический прием, как «обобщенное, типизированное воспроизведение нейтральных и выразительных фактов языка в различных литературных стилях речи» (Гальперин, 1958: 47). В рамках данного подхода основанием для подразделения выступает намеренность употребления выразительного средства. Однако, исходя из того, что стилистика занимается исключительно интерпретацией готовых текстов, применение данной классификации оказывается невозможным из-за отсутствия у читателя данных о целенаправленности или случайности употребления того или иного выразительного средства. Поэтому в рамках данной работы целесообразней применить традиционную классификацию стилистических средств.

Необходимо отметить, что для создания образа чаще используются изобразительные стилистические средства или тропы. По мнению И.В. Арнольд, тропы – это «лексические изобразительно-выразительные средства, в которых слово или словосочетание употребляется в преобразованном значении» (Арнольд, 2002: 33). Механизм воздействия тропа основан на сопоставлении двух смыслов одной и той же лексической единицы: при использовании в традиционном употреблении и при выполнении стилистической функции. В лингвистике различают огромное количество тропов, например, таких как метафора, метонимия, олицетворение, синекдоха, гипербола, литота, сравнение, ирония, перифраз. Однако в ходе проведения исследования было выявлено, что далеко не все

тропы встречаются в исследуемых текстах политических выступлений одинаково часто. Поэтому в рамках комплексного анализа мы ограничимся рассмотрением тех тропов, которые наиболее полно выполняют функцию создания образа политика и встречаются в речи наибольшее число раз.

Выводы по ГЛАВЕ I

1. Лингвокультурный образ обладает базовыми характеристиками языковой личности, что допускает возможность его изучения в соответствии со структурой языковой личности, разработанной Ю.Н. Карауловым.

2. Языковая личность становится лингвокультурным образом при рассмотрении ее в аспекте типизированного лингвокультурного своеобразия коммуникативного поведения. Лингвокультурный образ, как и языковая личность, существует в пространстве культуры, отраженной в языке, реализует культурно-исторические знания всего общества, включает как социальный, так и индивидуальный аспекты.

3. Политический дискурс – совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере политических коммуникаций во всем богатстве и сложности их взаимодействия.

4. Политический дискурс подразделяется на письменную и устную разновидности. В данной работе исследование проводится на материале устных выступлений женщин-политиков, бывшего и действующего премьер-министров Великобритании Маргарет Тэтчер и Терезы Мэй.

5. Выделяют следующие характеристики политического дискурса: целенаправленность, динамичность, ситуативность, спонтанность речевой деятельности, контекстуальность, идеологическая направленность, социально-культурная принадлежность и ориентированность.

6. В рамках политического дискурса лингвистические и стилистические средства и механизмы формирования образа политического деятеля разнятся в различных ситуациях общения, что позволяет сделать вывод о том, что выбор оптимальной коммуникативной стратегии и подбор средств и тактик ее реализации также отличается ситуативностью.

7. Существует определенная зависимость между ситуацией общения, выбором речевого поведения, формированием основополагающих стратегий и тактик, а также определением эквивалентных им лексико-стилистических средств языка.

8. Коммуникативную стратегию принято рассматривать, как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели». Понятие «коммуникативная или речевая тактика» включает в себя несколько коммуникативных действий или ходов, направленных на реализацию коммуникативной стратегии.

9. В рамках коммуникативной макростратегии убеждения выделяют:

- 1) стратегии, используемые для завоевания власти;
- 2) стратегии, используемые для удержания власти;
- 3) универсальные коммуникативные стратегии.

10. Коммуникативная эффективность политического дискурса напрямую зависит от использованных стилистических средств воздействия, которые позволяют воссоздать лингвокультурный образ как высказывания, так и самого говорящего в сознании слушающего.

11. Анализ языка различных текстов чаще всего осуществляется с разделением стилистических средств на изобразительные и выразительные. Для создания образа чаще всего используются изобразительные стилистические средства или тропы.

ГЛАВА II. Лингвистические механизмы формирования образа женщины-политика

2.1. Прагматический аспект языковой личности бывшего премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер

Анализ текстов политических выступлений бывшего премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер позволяет утверждать, что в рамках коммуникативной макростратегии убеждения в наибольшей степени фигурируют:

- 1) универсальные коммуникативные стратегии;
- 2) стратегии захвата власти.

Универсальные коммуникативные стратегии представлены стратегией самопрезентации (тактика отождествления с кем-либо, тактика самовосхваления, тактика создания «своего круга») и стратегией формирования эмоционального настроения.

Стратегии захвата власти реализуются с помощью стратегий дискредитации противника, обесценивания заслуг и нападения (тактика обвинения, оскорбления и оппозиционирования).

Необходимо отметить, что речевое воплощение коммуникативных стратегий происходит с помощью стилистических средств языка отдельной языковой личности. В зависимости от ситуации общения, поставленных целей и задач политик использует разнообразные стилистические средства (метафоры, анафоры, интертекст, прецедентный текст, повторы и др.). Анализ политического дискурса бывшего премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер позволяет сделать вывод о том, что в рамках тех или иных коммуникативных стратегий не представляется

возможным установить наиболее типичные стилистические средства их реализации.

Среди наиболее часто употребляемых универсальных коммуникативных стратегий наибольшей популярностью пользуется стратегия самопрезентации, представленная тактикой солидаризации с адресатом.

Например, *“Any woman who understands the problems of running a home will be nearer to understanding the problems of running a country.”* (4). Данное высказывание политика, объединяющее несколько стилистических приемов: иронию и синтаксический параллелизм, отражает заинтересованность бывшего премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер в пропаганде признания женщины полноправным участником политической, экономической и социальной жизни Европы.

Метафорическое употребление такого универсального прецедентного текста, как библейское понятие *“cornerstone”*, не только является показателем эрудированности политика, но и передает высокую оценку значимости членства в НАТО для политического, экономического и социального развития Германии и Великобритании: *“... we are both members of the North Atlantic Alliance. That membership is a cornerstone of our foreign policy, as it is of yours ...”* (6).

Также стратегия самопрезентации реализуется в речи политика с помощью тактики самовосхваления.

В предложении: *“Being powerful is like being a lady. If you have to tell people you are, you aren't.”* (4) политик, посредством сравнения, делает оригинальное умозаключение о схожести таких понятий, как «способность быть леди» и «власть», апеллируя к тому, что разговор о достоинствах не делает человека их носителем. В последнем случае речь идет о частичном повторении параллельной конструкции с использованием вспомогательного глагола *“to be”* в форме настоящего времени.

Кроме того, стратегия самопрезентации реализуется в речи политика с помощью тактики отождествления с чем-либо.

Даже после того, как чаша весов склонилась в сторону вступления в ЕС, Маргарет Тэтчер продолжила придерживаться позиции разумного опасения и старалась продвигать меры по защите национальной идентичности и суверенитета страны. В предложении: *“This means, of course, that, though the European Commission has made and will continue to make a valuable contribution, the Council of Ministers should continue to be the forum in which important decisions are taken, ... it provides a clear assurance, ... that joining the Community does not entail a loss of national identity or an erosion of essential national sovereignty.”* (3) мы видим скрытое сравнение пренебрежения мерами безопасности и разрушения почвы водой и ветром, т.е. эрозии.

Универсальные коммуникативные стратегии в речи политика также представлены стратегией формирования эмоционального настроения адресата.

Универсальный прецедентный текст (басня Эзопа «Лев, Осел и Лисица») *“... it is unacceptable to the United Kingdom to pay the lion's share of the enormous costs of this operation ...”* (4) подчеркивает значение собственной валюты, как доказательства суверенитета страны. По мнению политика, отмена национальной валюты ударила бы по экономической безопасности страны.

Эпифорический повтор *“Gentleman believes in a single currency regardless of the many consequences that it would have for this country – regardless of how much we would have to transfer, regardless of the enormous consequences for our securities.”* (3) доказывает взвешенность занимаемой политиком позиции касательно данного вопроса.

Анафора и метафора, использованные в предложении: *“They will do so only if they too believe that the Community is not only a matter of seeking advantages for oneself, they too believe that we must all prosper together, they too believe that the rising tide of prosperity must indeed lift all the ships and not leave*

one or two stranded on the sandbanks.” (7) направлены на формирование в общественном сознании единого образа «европейского» успешного будущего.

Стратегии захвата власти, в частности стратегия нападения, характерна политическому дискурсу бывшего премьер-министра и реализуется в речи с помощью тактики оппозиционирования, тактики оскорбления, тактики обвинения.

1) тактика оппозиционирования;

Лексический повтор синтаксических конструкций в предложении: *“In politics if you want anything said ask a man. If you want anything done, ask a woman”* (1) не только позволяет политику отстоять убеждение о том, что в мире, где мужчины занимают ключевые позиции, женщины также имеют право на достойное существование, но и подчеркнуть, что порой женщины более достойны высоких чинов, чем мужчины.

Также для речевой реализации данной мысли политик прибегает к использованию параллельной конструкции *“... is not to enhance ... but to express and is not to preserve ... but to create”* (2), что придает речи большую выразительность и экспрессивность.

Считая невозможным создание единого экономического пространства на территории Европы, Маргарет Тэтчер сравнивала подобные попытки со строительством Вавилонской Башни: *“... such a body is an even more utopian enterprise than the Tower of Babel, for at least, the builders of Babel all spoke the same language when they began”* (2). Кроме того, данное предложение является примером использования интертекста (аллюзии) с целью высказать свое недоверие к положительному исходу предприятия с помощью скрытой иронии.

Премьер-министр высказывала сомнение в возможности долгосрочного существования ЕС, сравнивая организацию с недолговечным архитектурным веянием: *“Dutch architecture, here and in Amsterdam, has its own unmistakable elegance and durability – it was copied all around the north-European world, from*

Wick in Northern Scotland to Tallinn in Estonia. Some architecture does last. Other architecture does not.” (8).

Значительное внимание политик акцентировала на роли объединенной Германии, как независимой и равноправной европейской страны, выступая против ее присоединения к ЕС. Политик аргументировала свою позицию тем, что эта быстро развивающаяся страна не захочет довольствоваться ролью донора, нарушив экономико-политический баланс сил в ЕС. Интертекст (аллюзия) и сравнение Германии с рядовым игроком в игру под названием ЕС усиливают убедительность речи премьер-министра. *“The next response of France and other European countries was to seek to tie down the German Gulliver within the joint decision-making. In a couple of years Germany will become a huge power in the European Union. Germany is too large to be just another player in the European game. Balance of power would be distorted.”* (6).

2) тактика оскорбления;

Риторический вопрос *“What music would Goethe hear ... perhaps while acting as an advisor to the Commissioner responsible for developing a policy for European culture?”* (8) позволяет сделать вывод, что политик крайне негативно отзывалась о идее создания единого ЕС.

Иронический характер вопроса подчеркивается ответом *“Surely the music would be something atonal and very long, perhaps performed by an orchestra including vacuum cleaner, scrubbing boards, and taxihorns, with Songs of Harmonization sung by a mixed choir from the Paris School of Deconstructionism. And what a climax of discord and disharmony!”* (8). Постепенное нарастание эмоционально-выразительной и смысловой насыщенности предложения объясняется использованием градации.

3) тактика обвинения;

Гипербола *“Gentleman's policy is to abolish the pound sterling, the greatest expression of sovereignty ...”* (3) демонстрирует опасение Маргарет Тэтчер по поводу популяризации идеи создания единого экономического пространства на территории Европы, попыток отмены национальных валют.

Стараясь упрочить позиции страны на мировой политической арене и защитить общеевропейские ценности, Маргарет Тэтчер смело выступала с критикой политиков, которые только на словах были готовы защищать интересы своей страны, а на деле преследовали личные цели. С помощью красочного сравнения *“like lions”* политик позволяет оценить, как самомнение, так и реальные заслуги таких политиков: *“They adopt a relaxed demeanor in private discussion with the Chinese leadership, making no more than a few mild admonitions about Chinese abuses. Then they tell the outside world that they behaved like lions”* (2).

Также в рамках стратегии захвата власти политик часто прибегает к использованию стратегии дискредитации оппонента. Зная о мечтах большинства политиков Европы о совместном «европейском» будущем, политик прибегает к использованию оксюморона *“That is our yesterday’s future.”* (6), намекая на то, что время для создания подобной организации уже прошло (идея была предложена Уинстоном Черчиллем в 1946 году), а необходимость в ее существовании отпала (первоначальная цель - контроль над послевоенной Германией).

Цепной повтор *“Labour’s policies are a vote of no confidence in the ability of British people to manage their own affairs. We have that confidence. Confidence in freedom and confidence in enterprise”* (1) используется политиком, чтобы высказать недовольство политикой Лейбористской партии Великобритании, подчеркнуть способность британского народа самостоятельно принимать решения и готовность нести ответственность за их реализацию.

При этом необходимо отметить, что коммуникативные стратегии и тактики в чистом виде встречаются сравнительно нечасто. Так одним из самых распространенных является **сочетание тактик оскорбления и обвинения в рамках коммуникативной стратегии нападения.**

Нерешительность политического противника и его желание поддержать большинство, не вникая в суть вопроса, высмеивается политиком с помощью национального прецедентного текста *“Little Sir Echo”*,

являющимся отсылкой к тексту шуточной детской песенки: *“From what the right honorable Gentleman said, it sounded as though he would agree, for the sake of agreeing, and for being Little Sir Echo, and saying, “Me, too.”.*” (3).

Гипербола *“The advance of Communist power threatens our whole way of life.”* (8) подчеркивает неприятие политиком коммунистических убеждений, а метафора: *“Better to wrap yourself in the union jack than the red flag.”* (3) доказывает приверженность Маргарет Тэтчер традиционной европейской капиталистической политике.

Олицетворение *“the survival of our way of life”* показывает трепетное отношение политика к исконно европейским, капиталистическим ценностям, находящимся под угрозой уничтожения социалистическими догмами: *“The first duty of any Government is to safeguard its people against external aggression. To guarantee the survival of our way of life ...”* (7).

В предложении *“To whose waiting with bated breath for that favorite media catchphrase, the U-turn, I have only one thing to say. You turn if you want to. The lady’s not for turning.”* (9) политик использовала гиперболу *“to wait with bated breath”*, национальный прецедентный текст *“U-turn”*, сравнивающий изменение экономической политики страны и резкий поворот на дороге или автостраде, и интертекст *“The Lady’s not for turning.”*, являющийся отсылкой к пьесе К. Ашервуда *“The Lady’s not for Burning.”*, чтобы отстоять начатый экономический курс. В частности, меры по регуляции соотношения спроса и предложения, направленные на борьбу с инфляцией, были встречены требованием изменения экономического курса страны.

Также для политических речей Маргарет Тэтчер типичным является **комбинирование коммуникативных стратегий нападения, дискредитации оппонента, обесценивания заслуг противника и формирования эмоционального настроения адресата.**

С помощью интертекста *“that sinister Utopia”* и *“Orwellian nightmare”* политик подвергает резкой критике Лейбористскую партию Великобритании

и ссылается на всемирно известную антиутопию Дж. Оруэлла «Скотный двор», в которой автор показал тщетность попыток построить мир всеобщего равенства при изначальном неравенстве способностей и возможностей и различии желаний участников такого строительства: *“We close our Conference in the aftermath of that sinister Utopia unveiled at Blackpool. Let Labour’s Orwellian nightmare of the Left be the spur for us to dedicate with a new urgency our every ounce of energy and moral strength to rebuild the fortunes of this free nation.”* (9).

Первоначальное ироничное сравнение лейбористов с чайками подменяется более хлестким вариантом – цыплята: *“... I seemed to hear a strange sound emanating from Blackpool. And I thought at first it was sea gulls. Then I remembered that Labour was holding its annual Conference there. And I realized it wasn’t seagulls, it was chickens - chickens being counted before they were hatched ...”* (1). Поговорка *“Don’t count one’s chickens before they are hatched”*, использованная Маргарет Тэтчер в несколько измененном виде, не только принижает значение партии и обесценивает ее заслуги перед страной, но и предрекает скорый конец ее популярности в народных массах.

Маргарет Тэтчер освещала внутренние проблемы страны и обличала ее врагов, к которым причисляла Либеральную партию Великобритании. Будучи членом Консервативной партии политический деятель часто прибегала к использованию сравнений и иронии для дискредитации противника в глазах общественности. *“I gather that during the last few days there have been some ill-natured jokes about their new symbol, a bird of some kind ... It is not merely stunned. It has ceased to be, expired and gone to meet its maker. It is a parrot no more. It has rung down the curtain and joined the choir invisible. This is a late parrot”*. *“Oh dear, it seems that there must be quite a lot of late parrots in cloud cuckoo land, judging by the right honorable Gentleman coming out with that stuff”* (9). Скрытая насмешка данного сравнения заключается в том, что попугай – яркая птица, способная имитировать умственную деятельность, подражая и бездумно повторяя прежде услышанное, но не

обладающая выдающимися умственными способностями. Подобное сравнение и интертекст “*cloud cuckoo land*” отражает подорванную веру народа Великобритании в великое будущее их страны под предводительством партии “*ex-parrot*”. Использованный интертекст демонстрирует убежденность Маргарет Тэтчер в утопичности политических стратегий противоборствующей партии. Его введение доказывает, что основную ставку политик делает на хорошо образованных, способных самостоятельно мыслить британцев, для которых творчество поэта, переводчика и драматурга Генри Ф. Кэри представлено не только английским национальным гимном.

Метонимия и ирония, использованные в предложении: “*The men in the Soviet politburo don't have to worry about the ebb and flow of public opinion. They put guns before butter, while we put just about everything before guns.*” (7) позволяют расставить приоритеты социалистических и капиталистических стран таким образом, что военное преимущество первых становится доказательством их социально-экономической несостоятельности, с одной стороны, и свидетельством захватнической политики, с другой.

2.2. Прагматический аспект языковой личности действующего премьер-министра Великобритании Терезы Мэй

Анализ текстов политических выступлений действующего премьер-министра Великобритании Терезы Мэй позволяет сделать вывод, что в рамках коммуникативной макростратегии убеждения языковое воплощение находят:

- 1) коммуникативные стратегии удержания власти;
- 2) универсальные коммуникативные стратегии.

Коммуникативные стратегии удержания власти подразделяются на информационно-интерпретационную стратегию и стратегию защиты.

Универсальные коммуникативные стратегии в речах политика представлены стратегией самопрезентации (тактика отождествления с кем-либо или чем-либо, тактика солидаризации с адресатом, тактика позитивного позиционирования, тактика создания «своего круга», тактика гипертрофирования «я/мы»-темы), стратегией формирования эмоционального настроения адресата, стратегией призыва и аргументативной стратегией.

Необходимо отметить, что речевое воплощение коммуникативных стратегий происходит с помощью стилистических средств языка отдельной языковой личности. В зависимости от ситуации общения, поставленных целей и задач политик использует разнообразные стилистические средства (эпитеты, метафоры, сравнения, анафоры, повторы и др.). Анализ политического дискурса действующего премьер-министра Великобритании Терезы Мэй позволяет выявить наличие типичных стилистических средств речевого воплощения отдельных коммуникативных стратегий.

Среди наиболее распространенных универсальных коммуникативных стратегий наибольшей частотностью употребления отличается аргументативная стратегия.

Например, в предложении *“That is why in my speech at Lancaster House I said that the United Kingdom would seek to secure a new, deep and special partnership with the European Union”* (14) присутствуют контекстуальные лексические синонимы, которые не только указывают на желание Великобритании продолжать и развивать сотрудничество со странами ЕС, но также обозначают желаемый характер данного сотрудничества.

Уточнение *“The strength of feeling that the British people have about this need for control and the direct accountability of their politicians is one reason why, throughout its membership, the United Kingdom has never totally felt at home being in the European Union”* (14) используется политиком для конкретизации

характера сделанных британским народом выводов касательно членства в ЕС. Устойчивое словосочетание, входящее в состав данного предложения, “*to feel at home*” акцентирует внимание слушателей на чувствах британцев, побуждая к сочувствию.

Также политик часто прибегает к использованию стратегии самопрезентации, представленной тактикой солидаризации с адресатом.

Перечисление “... *our people face the same threats, but also because we share a deep, historic belief in the same values: the values of peace, democracy, human rights and the rule of law.*” (14) акцентирует внимание слушателей на внутреннем подобии всех европейцев, разделяющих традиционные ценности. Достигнутый эффект усиливается за счет интонационного выделения.

Анафора “*Whether you supported Leave or Remain in the referendum campaign, whether you predicted the sky would fall in, or whether you didn't, the result means we face a period of uncertainty that needs to be addressed head on.*” (11) обозначает подчеркнуто равное отношение политика ко всем слушателям, независимо от принятого ими решения в ходе референдума.

Сознательное нагнетание обстановки способствует формированию образа неевропейских “*challenges*”, противопоставляемых европейским “*values of liberty, democracy, human rights and the rule of law*” (12). Тем самым политик создает образ внешнего врага, закрепляя на бессознательном уровне знание о подобии политико-экономико-социальных ценностей европейских стран, которой Великобритания после выхода из ЕС не перестает себя считать: “*We may be leaving the European Union, but we are not leaving Europe*” (13).

Стратегия самопрезентации в речи политика может реализовываться за счет тактики создания «своего круга».

Метафора “*to work hand in hand*” (13) также способствует созданию эффекта близости, сплоченности при выполнении некоей задачи.

Метафора “*a proud member of the family of European nations*” (14) подчеркивает родственный характер отношений между европейскими

“likeminded nations and peoples” (13), ненавязчиво разграничивая такие понятия, как *“the EU’s Member States and institutions”* и *“member of the family of European nations”*.

Речевая избыточность *“in all of our interests”* (13) подчеркивает тот факт, что решение о выходе из ЕС было продиктовано, исключительно, заботой о благополучии британского народа и было принято британским народом ради британского народа.

Цепной повтор и военизированная метафора *“... our two countries are working together to tackle some of the greatest challenges of our time; challenges where all too often geography has put Italy on the frontline ...”* (14) создают эмоциональное состояние тревоги и напряженности, которое становится эмоциональным лейтмотивом данной политической речи, обращают внимание слушающих на слово *“challenges”*, используемое вместо эквивалентного ему по значению, но стилистически и лексически нейтральному *“problems”*.

Также для политика типичной является реализация стратегии самопрезентации через тактику гипертрофирования «я/мы» - темы.

Хочется отметить, что по частотности употребления в политическом дискурсе Терезы Мэй лидирует личное местоимение *“we”* и соответствующее ему притяжательное *“our”*, что создает эффект подобия, тождественности жителей Европы.

Анафора в сочетании с лексической избыточностью не только облегчают восприятие текста на слух, образуя причинно-следственные связи, но и усиливают ощущение внутреннего единства европейских народов перед лицом внешней угрозы: *“We are also proposing a far reaching partnership on how we protect Europe together from the threats we face in the world today; how we work together to promote our shared values and interests abroad ...”* (13).

Политик неоднократно использует речевую избыточность *“our shared European interests and values”* (14), чтобы подчеркнуть общность «европейских» интересов Великобритании и ЕС.

Речевая избыточность “*here on our own continent*” (13) используется политиком для закрепления в сознании слушающих противоречивого образа «свой-чужой».

Синтаксическая тавтология “*But what we do want and what we hope that you, our European friends, want too – is to stay as partners who carry on working together for our mutual benefit.*” (13) позволяет не только конкретизировать информацию, но также увеличивает эмоциональную наполняемость предложения, изменяя первоначально негативное впечатление от политической речи, смещая смысловые акценты. Также в этом предложении можно заметить пример речевой избыточности “*our mutual benefit*”, в очередной раз, подчеркивающий причины выхода Великобритании из ЕС.

Стратегия самопрезентации, представленная тактикой позитивного позиционирования, также присуща речам премьер-министра.

Олицетворение “*the eyes of the world*” (12) представляют внешний (европейский) мир за пределами Великобритании единым организмом, который с волнением ждет выхода Великобритании из ЕС.

Анафора “*... if we can be imaginative and creative about the way we establish this new relationship, if we can proceed on the basis of trust in each other, I believe we can be optimistic about the future we can build for the United Kingdom and for the European Union*” (13), входящая в состав условного предложения, (что является нехарактерным для политических речей Терезы Мэй) позволяет придать существующему ожиданию положительную эмоциональную окраску, сгладить жесткость и категоричность предыдущих утверждений политика.

Анафора “*We will always be a champion of economic openness; we will always be a country whose pitch to the world is high standards at home ...*” (13) демонстрирует не только многолетний опыт сотрудничества, но и служит заверением в постоянстве социально-политических и экономических связей между участниками договора.

Гипербола, использованная политиком в предложении “... *we share a profound sense of responsibility to make this change work smoothly and sensibly, not just for people today but for the next generation who will inherit the world we leave them.*” (14) позволяет увидеть истинные ценности политика, оценить отношение к стране, которую она представляет на мировой арене. Для Терезы Мэй Великобритания – это не просто страна, а целый мир за безопасность и процветание которого она несет ответственность.

Неоднократное противопоставление понятий “*Europe*” и “*home/our nation*” подчеркивает окончательный характер принятого решения по выходу из ЕС “*I look ahead with optimism, believing that if we use this moment to change not just our relationship with Europe, but also the way we do things at home, this will be a defining moment in the history of our nation*” (13).

Также политический дискурс премьер-министра отличается использованием стратегии призыва (универсальные коммуникативные стратегии).

Анафора “*Let us not seek merely to adopt a model already enjoyed by other countries, let us be creative as well as practical in designing an ambitious economic partnership ...*” (14) позволяет политику отстаивать интересы своего народа, последовательно и структурированно излагая мысли.

Среди стратегий удержания власти особое место занимает стратегия самозащиты.

Плеоназм “*I don't believe either of these options would be best for the UK or best for the European Union.*” (14) представляет Терезу Мэй разумным лидером, пекущемся как о благополучии британского народа, так и учитывающим интересы ЕС.

Анадиплосис “*European Economic Area membership would mean the UK having to adopt at home new EU rules. Rules over which, in future, we will have little influence and no vote.*” (12) позволяет понять, что существующие правила ЕС во многом не устраивают британцев своей бескомпромиссностью и невозможностью изменить принятые большинством стран-членов ЕС

политико-экономические решения в отношении своей страны. Устойчивое выражение *“to be in control”* отражает потребность британцев в возможности влияния на внутри- и внешнеполитические процессы.

Также нам удалось выделить пример плеоназма: *“Their decision to leave the institution of the European Union was an expression of that desire, a statement about how they want their democracy to work.”* (12), используемый, чтобы подчеркнуть степень осознанности принятого решения. Атипичное образование сравнительной степени прилагательного *“direct”* → *“more direct”* также преследует эту цель, обозначая причины недовольства британцев.

При описании каждого из существующих вызовов времени политик прибегает к использованию эмоционально-окрашенных устойчивых словосочетаний. Так, например, для описания участия британских военных в борьбе с работорговлей, развивающейся за счет незаконной миграции, Тереза Мэй употребляет обладающие ярко-выраженной эмоциональной окраской устойчивые словосочетания *“to crack down on smth”* (14) и *“to seek a better life”* (13), которые «оживляют» речь политика, придавая ей более неформальный характер. Примечательным также является использование эпитета *“evil”* по отношению к существительному *“traffickers”*, что в комплексе позволяет понять отношение политика к работорговцам наживающимся на горе беженцев.

Гипербола *“life and death matters”* (12) показывает озабоченность Великобритании вопросами национальной безопасности после выхода страны из ЕС.

Устойчивые словосочетания *“to accept decisions”* и *“to made a choice”* (13) позволяют политику разграничить прошлый опыт страны в принятии решений и будущий, после выхода из ЕС.

Не меньшей популярностью пользуется такая стратегия удержания власти, как информационно-интерпретационная.

Метафора *“to start with a blank sheet of paper”* (12) закрепляет в сознании слушающего образ книги, новую главу которой сейчас начинают. В проведении подобной параллели мы видим намек на многолетнюю историю отношений Великобритании и ЕС и нежелание Великобритании полностью обрывать все действующие экономико-политические связи.

Анафора *“It does not mean we are no longer a proud member of the family of European nations. It does not mean we are turning our back on Europe; or worse that we do not wish the EU to succeed ...”* (14) придает речи политика большую структуризацию, помогает избежать неоднозначности толкования. Также в данном предложении мы выделяем в следующую метафору *“to turn smb’s back on Europe”* (13). С помощью нее в сознании слушателя Великобритания выступает, как единый народ, который «не поворачивается спиной», демонстрируя неблагодарность, а выбирает свой путь развития.

Метафора *“a new chapter in the story of its development”* (13) скрыто сравнивает пребывание Великобритании в составе ЕС с прочтением нудной главы в книге, пропуск которой влияет на понимание дальнейшего сюжета, а потому невозможен. Новая глава, т.е. выход из ЕС, в этом контексте обещает избавление от надоевшей монотонности.

Аллегория *“... how we build a bridge from where we are now to where we want to be.”* (11), использованная политиком по отношению к новому видению политико-экономических отношений между Великобританией и ЕС, отражает буржуазно-капиталистическую мотивацию страны к изменениям.

При этом необходимо отметить, что в речи политика также встречаются комбинации коммуникативных стратегий и тактик. Так одним из самых распространенных является **сочетание стратегий формирования эмоционального настроя и информационно-интерпретационной.**

Расширенный повтор *“With the Labour Party tearing itself to pieces, and divisive nationalists in Scotland and Wales, it is nothing less than the patriotic duty of our Party to unite and govern in the best interests of the country, of the whole country”* (11) используется политиком для того, чтобы подчеркнуть

направленность политики партии на удовлетворении нужд всего британского народа, а не какой-либо отдельной группы людей.

2.3. Характерные стилистические средства создания лингвокультурного образа действующего и бывшего премьер-министров Великобритании Терезы Мэй и Маргарет Тэтчер

В качестве материала для анализа нами были использованы тексты политических выступлений бывшего и действующего премьер-министров Великобритании Маргарет Тэтчер и Терезы Мэй общей продолжительностью 3 ч. и 2 ч. 32 мин. соответственно.

По результатам статистического анализа нами было установлено, что наиболее употребительными стилистическими (изобразительными) средствами создания лингвокультурного образа действующего премьер-министра Великобритании Терезы Мэй являются эпитеты, метафоры и речевая избыточность. Также дискурсу политика свойственна такая фигура речи, как анафора. Лингвостилистический и контекстуально-интерпретационный анализ отобранного материала позволяет утверждать, что в рамках выступлений политик использует тропы как с положительной оценкой происходящих событий и существующих явлений, так и с отрицательной.

Несмотря на многообразие эпитетов в речи политика, можно выделить наиболее популярные из них, установить ситуативность их применения.

Положительный оценочный эпитет “*great*” используется политиком 7 раз, при трехкратном употреблении в отрицательном значении. Традиционно используется для оценки внутри - и внешнеполитических достижений Великобритании, вклада страны в научное, культурное развитие мира. Также может применяться для выражения сочувствия и сожаления по поводу каких-

либо трагических событий. “*New*” употребляется исключительно в положительной коннотации (22 раза). В проанализированных текстах использовалось, как средство вуалирования нежелательной информации о последствиях выхода страны из ЕС, акцентирования положительной информации о планируемых результатах данного законопроекта. “*Global*” и “*international*” применяется Терезой Мэй как в положительном (13 раз, 18 раз), так и в отрицательном значении (6 раз, 24 раза). Примечательным является тот факт, что отрицательный подтекст появляется в речи политика исключительно при упоминании террористической угрозы, работоторговле, незаконной миграции, экономическом кризисе, а также при высказываниях в адрес российских политиков, дипломатов и военных. Также в текстах политических выступлений часто встречаются такие эпитеты, как “*mutual*” (12 раз), “*special*” (10 раз), “*deep*” (6 раз). Последние употребляются в сочетании с существительными, имеющими отношение к разработке и реализации нового законопроекта по выходу Великобритании из ЕС. Особое место в речи политика занимает прилагательное “*strong*” в положительной, сравнительной и превосходной степени, относящееся исключительно к политическим партнерам и соперникам как самого политика, так и страны, чьи интересы она представляет.

Метафоричность повествования является еще одной отличительной чертой политического дискурса действующего премьер-министра Великобритании (22 раза).

Все метафоры, вошедшие в состав материала исследования, можно подразделить на:

- 1) те, которые относятся к понятию “Brexit”;
- 2) те, что освещают внешнеполитические отношения Великобритании со странами ЕС;
- 3) те, что иллюстрируют противостояние страны внешним угрозам.

Ниже приведем некоторые примеры по каждому типу.

Метафоры 1 типа:

Примером позитивного мышления можно считать использование метафоры *“the evolution of the relationship between the United Kingdom and the European Union”* (14) по отношению к понятию “Brexit”.

Метафора *“a new chapter in the story of its development”* (14) скрыто сравнивает пребывание Великобритании в составе ЕС с прочтением нудной главы в книге, пропуск которой влияет на понимание дальнейшего сюжета, а потому невозможен. Новая глава, т.е. выход из ЕС, в этом контексте обещает избавление от надоевшей монотонности.

Метафора *“to start with a blank sheet of paper”* (13) в контексте с выше использованными «книжными» метафорами закрепляет в сознании слушающего образ книги, новую главу которой сейчас начинают. В проведении подобной параллели мы видим непрозрачный намек на многолетнюю историю отношений Великобритании и ЕС и нежелание Великобритании полностью обрывать все действующие экономико-политические связи.

Также в данном предложении мы выделяем в следующую метафору *“to turn smb’s back on Europe”*. С помощью нее в сознании слушателя Великобритания выступает, как единый народ, который «не поворачивается спиной», демонстрируя неблагодарность, а выбирает свой путь развития. *“It does not mean we are turning our back on Europe; or worse that we do not wish the EU to succeed ...”* (13).

Метафорическое сравнение партии и живого организма, стремящегося к саморазрушению, наводит на мысль, что референдум о выходе Великобритании из ЕС прошел не столь однозначно и его результаты воспринимается не всеми с тем энтузиазмом, что британские политики стремятся продемонстрировать мировой общественности (*“with the Labour Party tearing itself to pieces”* (11)).

Метафора, представленная в предложении: *“There must be no attempts to remain inside the EU, no attempts to rejoin it through the back door, and no second referendum.”* (12), направлена, с одной стороны, на демонстрацию

уверенности политика в верности принятого решения, а с другой, содержит насмешку над теми, кто осмеливается сомневаться в взвешенности и разумности решения страны, которую никак нельзя назвать новичком или «тинейджером» на мировой политической арене, который тайком, через заднюю дверь возвращается в родительский дом, пытаясь скрыть свою самовольную отлучку.

Метафоричность предложения *“Any attempt to wriggle out of that, especially from leadership candidates who campaigned to leave the EU by focusing on immigration, will be unacceptable to the public.”* (11) заключается в характере использованного в виде придаточного определительного инфинитива *“to wriggle out of”*, который в своем прямом значении переводится «извиваться/выкручиваться подобно змее или червяку». Перевод содержит отрицательную эмоциональную оценку действия (оттенок пренебрежения).

Метафоры 2 типа:

Военизированная метафора *“to put Italy on the frontline”* (15) позволяет не только привлечь внимание адресатов, но и создает эмоциональное состояние тревоги и напряженности, которое становится эмоциональным лейтмотивом второй смысловой части политической речи.

Красочная метафора *“a proud member of the family of European nations”* (15) подчеркивает родственный характер отношений между европейскими *“likeminded nations and peoples”* (13), разграничивая такие понятия, как *“the EU’s Member States and institutions”* и *“member of the family of European nations”*.

Метафора *“to work hand in hand”* (13) также способствует созданию эффекта близости, сплоченности при выполнении некоей задачи.

Метафоры 3 типа:

В предложении *“Mr. Speaker, I want to pay tribute to the fortitude and calmness with which people in Salisbury have responded to these events and to thank all those who have come forward to assist the police with their*

investigation.” (10) политик приравнивает жителей Солсбери, проявивших стойкость и силу духа, не поддавшись паническим настроениям, витавшим в воздухе, к победителям военной компании, уплатив достойную дань.

Метафорическое сравнение доказательств по делу и случайных фактов, затрудняющих расследование, с разнородными крупами, смешанными по случайности и же намеренно, преследуют цель наглядно продемонстрировать сложность текущего расследования *“Hundreds of officers have been working around the clock to sift and assess all the available evidence ...”* (10).

В данном предложении политика России на международном уровне сравнивается с разжиганием костюща *“Russia has fomented conflict in the Donbas, repeatedly violated the national airspace of several European countries, and mounted a sustained campaign of cyber espionage and disruption.”* (10).

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что в политическом дискурсе Терезы Мэй наибольшее внимание уделяется вопросам выхода страны из ЕС.

Еще одной отличительной особенностью политических речей действующего премьер-министра Великобритании является высокая частотность использования речевой избыточности (43 раза). В целом мы используем данный троп для акцентуации информации, повышения экспрессивности и выразительности речи. Однако, анализ отобранных образцов, сведенных в табл. 2.1., позволяет установить, что политик прибегает к использованию данного тропа, чтобы:

Частотность использования речевой избыточности

Таблица 2.1.

Цель применения/ производимый эффект	Пример	Количество
создать впечатление внутреннего единства британского народа, независимо от	<i>“all our people”</i>	5 раз
	<i>“in all of our interests”</i>	2 раза
	<i>“our whole nation”</i>	4 раза
	<i>“our whole country”</i>	3 раза

принятого решения в ходе референдума		
подчеркнуть общность «европейских» интересов, прав и обязанностей Великобритании и ЕС, закрепив в сознании слушающих противоречивый образ «свой-чужой» (в качестве «чужого» используются образы России, террористических группировок, незаконных эмигрантов и т.д)	<p><i>“our shared European interests and values”</i></p> <p><i>“here on our own continent”</i></p> <p><i>“our mutual benefit”</i></p> <p><i>“the very last thing”</i></p> <p><i>“to chart their own course”</i></p> <p><i>“the future of our common continent”</i></p> <p><i>“for all of our peoples”</i></p> <p><i>“a stronger, fairer, more prosperous future for us all”</i></p> <p><i>“the mutual benefit of all our people”</i></p>	<p>4 раза</p> <p>2 раза</p> <p>4 раза</p> <p>2 раза</p> <p>1 раза</p> <p>3 раза</p> <p>5 раз</p> <p>1 раз</p> <p>1 раз</p>
придать понятию «внешняя угроза» динамичность и выразительность, акцентировать внимание на готовности страны противостоять ей	<p><i>“the whole House”</i></p> <p><i>“these two possibilities”</i></p> <p><i>“this definite incident”</i></p>	<p>2 раза</p> <p>1 раз</p> <p>3 раза</p>

Анафора в проанализированных речах Терезы Мэй встречается 10 раз. Она может использоваться, чтобы обозначить подчеркнуто равное отношение политика ко всем слушателям, независимо от принятого ими решения в ходе референдума (2 раза). Например, *“Whether you supported*

Leave or Remain in the referendum campaign, whether you predicted the sky would fall in, or whether you didn't, the result means we face a period of uncertainty that needs to be addressed head on." (13).

Анафора позволяет политику отстаивать интересы своего народа, последовательно и структурированно излагая мысли: *"Let us tomorrow vote for an election, let us put forward our plans for Brexit and our alternative programmes for government and then let the people decide."* (5), *"Let us not seek merely to adopt a model already enjoyed by other countries, let us be creative as well as practical in designing an ambitious economic partnership ..."* (15) или *"Every vote for the Conservatives will make it harder for opposition politicians who want to stop me from getting the job done. Every vote for the Conservatives will make me stronger when I negotiate for Britain with the prime ministers, presidents and chancellors of the EU. Every vote for the Conservatives will mean we can stick to our plan for a stronger Britain and take the right long-term decisions for a more secure future."* (5).

Анафора усиливают ощущение внутреннего единства европейских народов перед лицом внешней угрозы: *"We are also proposing a far reaching partnership on how we protect Europe together from the threats we face in the world today; how we work together to promote our shared values and interests abroad ..."* (15).

Анафора *"A period of history that inspired centuries of creativity and critical thought across our continent and which in many ways defined what it meant to be European. A period of history whose example shaped the modern world. A period of history that teaches us that when we come together in a spirit of ambition and innovation, we have it within ourselves to do great things."* (10) используется, чтобы подчеркнуть роль Ренессанса для развития всего человечества, определившего ход истории на многие столетия вперед, ставшего точкой отсчета нового, более утонченного и образованного, совершенного общества.

Анафора *“It does not mean we are no longer a proud member of the family of European nations. It does not mean we are turning our back on Europe; or worse that we do not wish the EU to succeed...”* (15) придает речи политика большую структуризацию, помогает избежать неоднозначности толкования.

Анафора *“... if we can be imaginative and creative about the way we establish this new relationship, if we can proceed on the basis of trust in each other, I believe we can be optimistic about the future we can build for the United Kingdom and for the European Union.”* (15), входящая в состав условного предложения, (что является нехарактерным для политических речей Терезы Мэй) позволяет придать существующему ожиданию положительную эмоциональную окраску, сгладить жесткость и категоричность предыдущих предложений.

Анафора *“We will always be a champion of economic openness; we will always be a country whose pitch to the world is high standards at home ...”* (14) демонстрирует не только многолетний опыт сотрудничества, но и служит заверением в постоянстве социально-политических и экономических связей между участниками договора.

Тогда как в случае с бывшим премьер-министром Великобритании Маргарет Тэтчер чаще всего встречаются такие стилистические (изобразительные) средства создания лингвокультурного образа, как метафоры, прецедентный текст и интертекст.

Лингвостилистический и контекстуально-интерпретационный анализ отобранного материала позволяет утверждать, что в рамках выступлений политик использует тропы как с положительной оценкой происходящих событий и существующих явлений, так и с отрицательной.

Все метафоры (15), вошедшие в материал исследования, можно подразделить на:

1) отражающие неоднозначное отношение политика к вступлению Великобритании в ЕС и возможные последствия данного присоединения для экономики страны;

2) иллюстрирующие противостояние страны внешним угрозам (со стороны СССР или социалистическим учениям, получившим распространение как внутри страны, так и в целом на территории Европы).

Ниже приведем некоторые примеры по каждому типу.

Метафоры 1 типа:

Метафора, использованная в предложении: *“What is being proposed now, economic and monetary union, is the back door to a federal Europe, which we totally and utterly reject.”* (3), подтверждает не только негативное отношение к вступлению страны в ЕС, но к тем последствиям, которые данное объединение будет иметь экономики страны, в частности, для государственной валюты.

Метафора приравнивает такие понятия, как вступление в ЕС и потеря, эрозия национальной идентичности: *“This means, of course, that, though the European Commission has made and will continue to make a valuable contribution, the Council of Ministers should continue to be the forum in which important decisions are taken, ... it provides a clear assurance, ... that joining the Community does not entail a loss of national identity or an erosion of essential national sovereignty.”* (3).

Метафоры *“We in Britain are proud of the way in which, since Magna Carta in the year 1215, we have pioneered and developed representative institutions to stand as bastions of freedom”* (9), *“... we have carried the torch for freedom”* (7) доказывают, что Великобритания ставит свою независимость и свободу превыше всего, при этом членство в ЕС рассматривается, как возможная угроза национальным ценностям.

Метафоры 2 типа:

Очевидно, что политик испытывала неприятие к коммунистическим убеждениям. Метафора: *“Better to wrap yourself in the union jack than the red flag”* (3) доказывает приверженность Маргарет Тэтчер традиционной европейской капиталистической политике.

Метафоры “*This is no arid chronicle of obscure facts from the dust-filled libraries of history.*” (9), “... *if we cannot draw the lesson of what they tried to do in Portugal and are now trying to do in Angola then we are destined to end up on the scrap heap of history*” (7) отражают опасение политика по поводу усиления политических позиций СССР и возможных последствий такого усиления.

Метафора “... *people who once enjoyed a full share of European culture, freedom and identity have been cut off from their roots ...*” (9) наглядно демонстрирует разрушительные последствия увлечения социализмом для европейских народов, которые исконно жили по законам капитализма.

Метафора “*And now the Soviet Union and its satellites are pouring money, arms and front-line troops into Angola in the hope of dragging it into the Communist bloc*” (9) указывает на крайнюю заинтересованность СССР в привлечении на свою сторону новых государств-союзников и готовность добиваться желаемого любым путем.

Недовольство политика игнорированием угрозы со стороны коммунистического СССР реализуется в виде метафоры: “... *we are hiding our heads in the sand, why with all our experience, we are not giving a lead ?!*” (9).

Кроме того, политический дискурс Маргарет Тэтчер отличается использованием прецедентных текстов (7 раз) и интертекстов (7 раз). Это не только является доказательством высокой эрудированности премьер-министра, но также повышает эмоционально-смысловую насыщенность речи и предоставляет политику возможность открыто выражать свое мнение, оценивать происходящие события, явления или отдельных личностей, не тратя дополнительное время на разъяснения.

Необходимо отметить, что вышеперечисленные тропы употребляются:

- 1) при рассуждениях о плюсах и минусах создания ЕС и вхождения в его состав Великобритании;
- 2) при оценке политики противников премьер-министра;

3) при защите политических стратегий Консервативной партии и собственных убеждений.

1 группа:

Считая невозможным создание единого экономического пространства на территории Европы, Маргарет Тэтчер сравнивала подобные попытки со строительством Вавилонской Башни: “... *such a body is an even more utopian enterprise than the Tower of Babel, for at least, the builders of Babel all spoke the same language when they began.*” (2). Данное предложение является примером использования интертекста (аллюзии) с целью высказать свое недоверие к положительному исходу предприятия с помощью скрытой иронии.

Универсальный прецедентный текст (басня Эзопа «Лев, Осел и Лисица») “... *it is unacceptable to the United Kingdom to pay the lion's share of the enormous costs of this operation.*” (4) подчеркивают значение собственной валюты, как доказательства суверенитета страны. По мнению политика, отмена национальной валюты ударила бы по экономической безопасности страны.

Значительное внимание политик акцентировала на роли объединенной Германии, как независимой и равноправной европейской страны, выступая против ее присоединения к ЕС. Политик аргументировала свою позицию тем, что эта быстро развивающаяся страна не захочет довольствоваться ролью донора, нарушив экономико-политический баланс сил в ЕС. Интертекст (аллюзия) усиливают убедительность речи премьер-министра. “*The next response of France and other European countries was to seek to tie down the German Gulliver within the joint decision-making. In a couple of years Germany will become a huge power in the European Union.*” (8).

Метафорическое употребление такого универсального прецедентного текста, как библейское понятие “*cornerstone*”, с одной стороны, передает высокую оценку значимости членства в НАТО для политического, экономического и социального развития Великобритании и Германии, а с другой, подчеркивает сомнение политика в наличии необходимости

вступления в ЕС: “... *we are both members of the North Atlantic Alliance. That membership is a cornerstone of our foreign policy, as it is of yours.*” (7).

2 группа:

Интертекст “*cloud cuckoo land*” отражает подорванную веру народа Великобритании в великое будущее страны под предводительством Либеральной партии “*ex-parrot*”, демонстрирует утопичность политических стратегий противоборствующей партии: “*Oh dear, it seems that there must be quite a lot of late parrots in cloud cuckoo land ...*” (9).

Также резкой критике подвергалась Лейбористская партия Великобритании. С помощью интертекста “*that sinister Utopia*” и “*Orwellian nightmare*” политик ссылается на всемирно известную антиутопию Дж. Оруэлла «Скотный двор», в которой автор показал тщетность попыток построить мир всеобщего равенства при изначальном неравенстве способностей и возможностей и различии желаний участников такого строительства: “*We close our Conference in the aftermath of that sinister Utopia unveiled at Blackpool. Let Labour’s Orwellian nightmare of the Left be the spur for us to dedicate with a new urgency our every ounce of energy and moral strength to rebuild the fortunes of this free nation.*” (9).

Нерешительность политического противника и его желание поддержать большинство, не вникая в суть вопроса, высмеивается политиком с помощью национального прецедентного текста “*Little Sir Echo*”, являющимся отсылкой к тексту шутильной детской песенки: “*From what the right honorable Gentleman said, it sounded as though he would agree, for the sake of agreeing, and for being Little Sir Echo, and saying, “Me, too.”.*” (3).

Универсальный прецедентный текст “*Genghis Khan*” подчеркивает убежденность политика в наличии внешней угрозы со стороны мирового социалистического лагеря. Очевидно, что в сознании политика СССР выступает в образе «социалистического» Чингисхана, стремящегося завоевать весь мир, что исключает возможность мирного сосуществования социалистического и капиталистического политических лагерей: “*If you*

believe some of the things said and written about my views on Europe, it must seem rather like inviting Genghis Khan to speak on the virtues of peaceful coexistence!” (9).

3 группа:

Маргарет Тэтчер была сильным, смелым и дальновидным политиком, однако, не всегда ее реформы принимались общественностью с восторгом. Например, меры по регуляции соотношения спроса и предложения, направленные на борьбу с инфляцией, были встречены требованием изменения экономического курса страны. Чтобы отстоять начатый экономический курс политик использовала национальный прецедентный текст “*U-turn*”, сравнивающий изменение экономической политики страны и резкий поворот на дороге или автостраде, и интертекст “*The Lady’s not for turning.*”, являющийся отсылкой к пьесе К. Ашервуда “*The Lady’s not for Burning.*”: “*To whose waiting with bated breath for that favorite media catchphrase, the U-turn, I have only one thing to say. “You turn if you want to. The lady’s not for turning.”*” (9).

Прецедентный текст “*my knight in shining armour*“ (10) сигнализирует слушателям о расположении премьер-министра к стороннику и признании своевременности его вмешательства в ход дискуссии.

Выводы по ГЛАВЕ II

1. Анализ прагматического аспекта языковой личности бывшего и действующего премьер-министров Великобритании показал различные результаты, так как лингвокультурный образ, как и языковая личность, существует в пространстве культуры, отраженной в языке, и реализует культурно-исторические знания общества, преломленные через призму опыта конкретной личности. Это связано также с использованием

политиками различных коммуникативных стратегий, реализуемых с помощью различных речевых средств.

2. Анализ текстов политических выступлений бывшего премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер позволяет утверждать, что в рамках коммуникативной макростратегии убеждения в наибольшей степени фигурируют как универсальные коммуникативные стратегии, представленные стратегией самопрезентации (тактика отождествления с кем-либо, тактика самовосхваления, тактика создания «своего круга») и стратегией формирования эмоционального настроения, так и стратегии захвата власти, реализованные с помощью стратегий дискредитации противника, обесценивания заслуг и нападения (тактика обвинения, оскорбления и оппозиционирования). В свою очередь, политическим речам действующего премьер-министра Великобритании Терезы Мэй характерно использование коммуникативных стратегий удержания власти: информационно-интерпретационная стратегия и стратегия защиты; и универсальных коммуникативных стратегий: стратегия самопрезентации (тактика отождествления с кем-либо, тактика солидаризации с адресатом, тактика позитивного позиционирования, тактика создания «своего круга»), стратегия формирования эмоционального настроения адресата, стратегия призыва. При этом для политических речей характерно комбинирование коммуникативных стратегий и тактик.

3. Речевое воплощение коммуникативных стратегий происходит с помощью стилистических средств языка отдельной языковой личности. Если в случае с бывшим премьер-министром Великобритании наиболее частотным является употребление метафор, интертекста и прецедентного текстов, то для политического дискурса действующего премьер-министра Великобритании наиболее употребительными стилистическими (изобразительными) средствами создания лингвокультурного образа являются эпитеты, метафоры и речевая избыточность. Также дискурсу политика свойственна такая фигура речи, как анафора.

4. Анализ политического дискурса бывшего премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер позволяет сделать вывод о том, что в рамках тех или иных коммуникативных стратегий не представляется возможным установить наиболее типичные стилистические средства их реализации из-за исключительного богатства культурно-исторических знаний и личностного опыта политика, отраженного в языке. Анализ политического дискурса действующего премьер-министра Великобритании Терезы Мэй обнаруживает наличие повторяющихся стилистических средств речевого воплощения коммуникативных стратегий. В частности в рамках коммуникативной стратегии самопрезентации (тактика создания «своего круга») наиболее типичным средством речевого воплощения является метафора, (тактика гипертрофирования «я/мы»-темы) – речевая избыточность, (тактика позитивного позиционирования) – анафора, а для информационно-интерпретационной стратегии характерным является применение метафор.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема взаимодействия языка и личности постоянно привлекает внимание научной общественности. Проведенное исследование лингвокультурного образа женщины-политика на примере бывшего и действующего премьер-министров Великобритании Маргарет Тэтчер и Терезы Мэй, являясь лишь малой частью исследования особенностей национальной лингвоментальности, позволяет сделать следующие выводы:

Языковая личность, рассмотренная в аспекте типизированного лингвокультурного своеобразия коммуникативного поведения, становится лингвокультурным образом. Лингвокультурный образ – это определенный национально-культурный тип носителя определенного языка, обладающий характерными для представителей какой-либо группы чертами, свойствами и качествами речи и поведения.

Лингвокультурный образ реализуется в дискурсе. В рамках политического дискурса находят применение разнообразные коммуникативные стратегии, входящие в состав коммуникативной макростратегии убеждения. В текстах политических выступлений бывшего премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер фигурируют как универсальные коммуникативные стратегии, представленные стратегией самопрезентации (тактика отождествления с кем-либо, тактика самовосхваления, тактика создания «своего круга»), стратегией формирования эмоционального настроения, так и стратегии захвата власти, реализованные с помощью стратегий дискредитации противника, обесценивания заслуг и нападения (тактика обвинения, оскорбления и оппозиционирования).

Политическим речам действующего премьер-министра Великобритании Терезы Мэй свойственно использование коммуникативных стратегий удержания власти: информационно-интерпретационная стратегия

и стратегия защиты; и универсальных коммуникативных стратегий: стратегия самопрезентации (тактика отождествления с кем-либо или чем-либо, тактика солидаризации с адресатом, тактика позитивного позиционирования, тактика создания «своего круга»), стратегия формирования эмоционального настроения адресата, стратегия призыва.

Для политических речей обоих политиков характерно комбинирование коммуникативных стратегий и тактик. Анализ политического дискурса бывшего и действующего премьер-министров Великобритании Маргарет Тэтчер и Терезы Мэй показал, что лингвокультурный образ женщины-политика реализуется преимущественно изобразительными стилистическими средствами или тропами. Выбор речевого поведения, коммуникативных стратегий и тактик, эквивалентных им лексико-стилистических средств языка, определяется ситуацией общения.

Так как лингвокультурный образ, как и языковая личность, существует в пространстве культуры, отраженной в языке, и реализует культурно-исторические знания общества, преломленные через призму личного опыта, анализ прагматического аспекта языковой личности бывшего и действующего премьер-министров Великобритании показал различные результаты. Использование политиками различных коммуникативных стратегий требует применения различных речевых средств их достижения. Если бывший премьер-министр Великобритании в большинстве случаев прибегает к использованию метафор, интертекста и прецедентного текста, то его действующий коллега предпочитает такие стилистические средства создания лингвокультурного образа как эпитеты, метафоры, речевая избыточность. Также дискурсу политика свойственно употребление такой фигуры речи, как анафора.

Анализ политического дискурса Маргарет Тэтчер позволяет сделать вывод о том, что в рамках тех или иных коммуникативных стратегий не представляется возможным установить наиболее типичные стилистические

средства их реализации из-за исключительного богатства культурно-исторических знаний и личностного опыта политика, отраженного в языке.

Анализ политического дискурса Терезы Мэй обнаруживает повторение стилистических средств речевого воплощения коммуникативных стратегий. В частности в рамках коммуникативной стратегии самопрезентации (тактика создания «своего круга») типичным средством речевого воплощения является метафора, (тактика гипертрофирования «я/мы»-темы) – речевая избыточность, (тактика позитивного позиционирования) – анафора, а для информационно-интерпретационной стратегии характерным является применение метафор. Универсальным средством создания лингвокультурного образа женщины-политика является метафора. Это объясняется высокой смысловой нагрузкой, эмоциональной выразительностью и экспрессивностью изобразительного средства, а также отсутствием необходимости в обладании обширными знаниями в различных областях (литература, политика, искусство, наука и т.д.).

Таким образом нам удалось выявить характерные стилистические средства и их роль в создании лингвокультурного образа женщины-политика, т.е. цель работы была достигнута.

Данная работа имеет практическую значимость – полученные данные могут быть использованы в преподавании стилистики английского языка. Перспективы развития исследования мы видим в дальнейшем изучении проблемы лингвокультурных образов на новых примерах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов / под ред. П.Е. Бухаркина. – М.: Издательство «Флинта», Издательство «Наука», 2002. – 384 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. Архипов И.К. Язык и языковая личность: Учебное пособие. – СПб.: ООО "Книжный Дом", 2008. – 248 с.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика: пер. с франц. // общ. ред. Ю.С. Степанова. – 2-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
5. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика: учеб. пособие. – М: Флинта, Наука, 2008. – 352 с.
6. Винокур Т.Г. О содержании некоторых стилистических понятий // Стилистические исследования. / под ред. В.Д. Левин. – М., 1992. – 104 с.
7. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. – М.: Наука, 1993. – 171 с.
8. Вочкарев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64-72.
9. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. – Москва: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 458 с.
10. Генералова С.Н. Понятие «политический дискурс» в лингвокультурологической парадигме // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2010. – № 5. С. 95-101. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-politicheskiy-diskursvlingvokulturologicheskoj-paradigme> (дата обращения: 11.08.2017).
11. Гриценко Е.С., Сергеева М.В., Лалетина А.О., Бодрова А.А., Дуняшева Л.Г. Гендер в британской и американской лингвокультурах / под

ред. Е.С. Гриценко. – М.: Флинта, Наука, 2011. – 224 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://znanium.com/bookread2.php?book=320754> (дата обращения: 17.08.2017).

12. Гришаева Л.И. Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов // Культурная идентичность и использование языка. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2007. – 261 с.

13. Ван Дейк Т.А. Язык, Познание. Коммуникация: пер. с англ. // под ред. В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.

14. Демьянков В.З. Личность, индивидуальность и субъективность в языке и речи // «Я», «субъект», «индивид» в парадигмах современного языкознания Вопросы языкознания. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – С. 9-34. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.infolex.ru/Lich.html> (дата обращения: 12.02.2018).

15. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – М.: ИНИОН РАН, 2002. – С. 32-43. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.infolex.ru/PolDis.html> (дата обращения: 02.11.2017).

16. Желтухина М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2004. – 47 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/spetsifika-rechevogo-vozddeistviya-tropov-v-yazyke-smi> (дата обращения: 22.11.2017).

17. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Изд. 5-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.

18. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие / О.С. Иссерс. – М.: Издательство «Флинта», Издательство «Наука», 2009. – 224 с.

19. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1999. – 330 с.

20. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 390 с.

21. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – Изд. 7-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
22. Карпухина Е.А. Специфика политического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 4 (11). – С. 91-93.
23. Кауфова И.Б. Лингвистические особенности британского политического дискурса // Университетские чтения – 2015. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. – Пятигорск: ПГЛУ, 2015. – Ч. II. – С. 106-110.
24. Ключев Е.В. Речевая коммуникация. – М.: Рипол Классик, 2002. – 320 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.booka.ru/books/8852#about> (дата обращения: 22.01.2018).
25. Кошкарлова Н.Н., Томберг О.В. PAST INTO PRESENT: Женщина в политической риторике Великобритании // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления: Материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26-30.09.2016) / под ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2016. – С. 116-118.
26. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. – М.: ИТДГК "Гнозис", 2001. – 270 с.
27. Красных В.В. Лингвокультура как дискурсообразующий феномен // LATEUM 2015: Research and Practice in Multidisciplinary Discourse. Материалы 12 международной конференции Лингвистической ассоциации преподавателей английского языка МГУ им. М.В. Ломоносова / Отв. ред. О.В. Александрова; ред. Е.В. Михайловская, И.Н. Фомина / под ред. Е.В. Михайловская. – Университетская книга Москва, 2015. – С. 7-15.
28. Макарова А.Д. Лингвокультурный образ: сущность понятия // Вестник Челябинского государственного университета, 2011. – № 33. – С. 243-245.
29. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

30. Нелюбин Л.Л. Лингвостилистика современного английского языка: учебное пособие // Стилистические выразительные средства языка. – 6-е изд. – М.: ФЛИНТА, 2013. – 123 с.

31. Паршина О.Н. Российская политическая речь: Теория и практика / под ред. О.Б. Сиротининой. – 2-е изд. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 232 с.

32. Пивкина Е.А., Шалифова О.Н. Образ женщины-политика в англоязычных средствах массовой информации. – Поволжский педагогический вестник, 2015. – №2(7). – С. 148-154. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/obraz-zhenschiny-politika-v-angloyazychnyh-sredstvah-masovoy-informatsii> (дата обращения: 03.09.2017).

33. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. – К.: Ваклер; М.: Рефл-бук, 2001. – 656 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yanko.lib.ru/books/betweenall/pochepcov-theory-of-com.htm> (дата обращения: 13.09.2017).

34. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. – М.: Наука, 1988. – 242 с.

35. Скребнев Ю.М. Основы стилистики иностранного языка. – Самара: ООО «Издательство Астрель», 2003. – 221 с.

36. Туманова Г.А. Коммуникативная стратегия убеждения и особенности ее реализации в политическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2016. – 26 с.

37. Фаер, С.А. Приемы, стратегии и тактики предвыборной борьбы: PR-секреты общественных отношений. – СПб.: Стольный град, 1998. – 136 с.

38. Филатова Е.А. Лексико-стилистические средства реализации непрямого речевого воздействия (на материале англоязычного политического дискурса) // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ, 2014. – № 6. – С. 103-106.

39. Шапочкин Д.В. Политический дискурс: когнитивный аспект. – Тюмень: Издательство ТюмГУ, 2012. – 260 с.

40. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Дис. ... док. филол. наук. – Волгоград, 2000. – 431 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.dissercat.com/content/semiotika-politicheskogo-diskursa (дата обращения: 18.10.2017).

41. Beaugrande R.A., Dressler W. Introduction to Text Linguistics. – Longman, 2002. – 270 p. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.beaugrande.com/introduction_to_text_linguistics.htm (дата обращения: 11.10.2017).

42. Coates J. Women, Men and Language. – L.: Longman, 1986. – 247 p.

43. Dijk van T.A. Political Discourse and political cognition // Politics as Text and Talk: Analytic approaches to political discourse / Edited by Paul Chilton and Christina Schäffner. – Discourse Approaches to Politics, Society and Culture, 2002. – 237 p.

44. Dijk van T.A. Discourse and power. – Palgrave Macmillan, 2008. – 256 p.

45. Fairclough N. Language and power: Language in social life series // Discourse and power. – Longman Group UK Limited, 1989. – 277 p.

46. Fauconnier G. Mental Spaces. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 190 p.

47. Fowler R. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press. – L. a. NY: Routledge, 1991. – 254 p.

48. Hollander E.P. Leaders, groups, and influence. – NY, Oxford University Press, 1964. – 256 p. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://catalogue.nla.gov.au/Record/1862799> (дата обращения: 10.10.2017).

49. Hollander E.P., Yoder J. Some Issues in Comparing Women and Men as Leaders. – Washington, D.C.: ERIC Clearinghouse, 1998. – 20 p. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://catalogue.nla.gov.au/Record/5371605> (дата обращения: 15.10.2017).

50. Lakoff G. Women, fire and dangerous things: what categories reveal about the mind. – Chicago, 1987. – 614 p.

51. Lakoff R. Language and Woman's Place. – NY: Harper and Row, 1995. – 328 p.
52. Lilliker D.G. Key Concepts in Political Communication. – London: SAGE, 2006. – 224 p.
53. Troemel-Ploetz S. Linguistik und Frauensprache // Linguistische Berichte 57. – 1978. – 220 s.
54. Velter J. Die Darstellung von Frauen in den Medien // Frauen and Medien. – Opladen: Westdeutscher Verlag. – 356 s.
55. Wodak R. Gender and Discourse. – L.: Sage Publications, 1997. – 294 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Confidence in Her Majesty's Government. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.margaretthatcher.org/document/108256> (дата обращения: 11.04.2018).
2. Debate on Address (1979). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.margaretthatcher.org/document/104083> (дата обращения: 02.04.2018).
3. Margaret Thatcher Rome European Council (1990). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.margaretthatcher.org/document/108234> (дата обращения: 16.02.2018).
4. Margaret Thatcher's First Speech at White House as PM! – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=bCM38teVfu8> (дата обращения: 12.04.2018).
5. Prime Minister Theresa May has announced she is calling a snap general election on June 8th. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=d12hAkkRGV4> (дата обращения: 05.10. 2017).

6. Speech at dinner for West German Chancellor. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.margaretthatcher.org/document/104080> (дата обращения: 22.03.2018).

7. Speech at Kensington Town Hall ("Britain Awake"), (The Iron Lady). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=oAgM6YHioxI> (дата обращения: 12.03.2018).

8. Speech in the Hague ("Europe's Political Architecture"). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.margaretthatcher.org/document/108296> (дата обращения: 12.03.2018).

9. Speech to the College of Europe ("The Bruges Speech"). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=D_XsSnivgNg (дата обращения: 23.02.2018).

10. Theresa May's address to the House of Commons. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://edition.cnn.com/2018/03/13/europe/theresa-may-russia-spy-speech-intl/index.html> (дата обращения: 25.11.2017).

11. Theresa May's Conservative conference 2017 speech. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=bZ3c_utazQ0 (дата обращения: 27.02.2018).

12. Theresa May's first speech as UK Prime Minister. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=J_1uGEIO_D9o (дата обращения: 05.01.2018).

13. Theresa May's full speech to launch her Conservative leadership campaign. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=Vdxxpb_UUDIA (дата обращения: 12.10.2017).

14. Theresa May's Speech Laying Out the U.K's Plan for Brexit. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=o0rRnTFJsZU> (дата обращения: 07.11.2017).

15. Theresa May's speech on Brexit, delivered in Florence, Italy, on Sept. 22. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=0MbFtYXPIWk> (дата обращения: 22.10.2017).